

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию **Веселова Федора Никитовича** на тему: **«Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище XVII-XIX вв. в музейных и библиотечных собраниях»**, представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 24.00.03. – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов»

В истории всякой страны происходят значительные события, обретающие в последующем времени символический характер. В прошлом России и русского народа среди такого рода символов, несомненно, видное место занимает победа воинства великого князя московского Дмитрия Ивановича (1359-1389) над туменами ордынского военачальника Мамаю в 1380 г. Автор «Задонщины» – поэтического повествования о сражении, вероятно созданного еще при жизни князя-победителя, определил масштаб свершившегося словами, известными сегодня не только профессиональным историкам и литературоведам: «Шибла слава к Желѣзным Вратам, и къ Караначи, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем: Русь великая одолѣша рать татарскую на полѣ Куликовѣ на речке Непрядвѣ». Представляется, что за этой изящной лапидарностью источника надо видеть не столько славословие, сколько программное осмысление события, оказавшегося судьбоносным для Руси Великой.

Собственно говоря, программе, сформулированной в «Задонщине», также было суждено пережить века. Наглядным примером этого является диссертация Ф.Н. Веселова, равно как и рассмотренные им исторические памятники. На соискание ученой степени кандидата исторических наук представлена работа, посвященная изучению «Сказания о Мамаевом побоище», дошедшем до нас более чем в полутора сотнях списков. Это произведение, созданное много десятков лет после славного сражения на реке Непрядве, оценивается исследователями весьма неоднозначно. Стоит отметить, что по объему текст чуть ли не в четыре раза превышает ту же «Задонщину».

С одной стороны, Сказание – «самый подробный и сюжетно-увлекательный рассказ о битве на Куликовом поле в 1380 г.», которое приводит немало подробностей о подготовке к сражению и самом побоище, «не зафиксированных другими источниками» (Л.А. Дмитриев). С другой стороны, «этот памятник удивительно созвучный идеологическим приоритетам московских правителей на рубеже XV-XVI веков, является носителем целого ряда бросающихся в глаза недостоверных известий и анахронизмов,

Вх 09/2 - 193 от 17.09.2018

ставших основой для формирования системы мифов вокруг Куликовской битвы. Мифологема эти получили официальное признание» (А.Е. Петров).

В сложившейся источниковедческой ситуации не удивительно, что при наличии огромной литературы выводы о значении краткого столкновения на Дону ратников Русских земель с военными силами Золотой Орды столь разнятся. Точки зрения интерпретаторов расположены в широком диапазоне: от слабо аргументированных, но восторженных суждений, а также взвешенных оценок победы – «провозвестница конца ордынского ига» и «толчок формированию самосознания русской народности» (А.Л. Хорошкевич) до заключений вроде того, что своей победой над Мамаем «Дмитрий помог Тохтамышу разбить врагов Орды» (П. фон Лин) или побоища на Куликовом поле вообще не было... Тем актуальнее тема представленной к защите диссертационной работы.

Соискатель Ф.Н. Веселов и его руководитель проф. А.В. Майоров остановили свой выбор на Сказании не случайно – это единственный известный теперь иллюстрированный памятник Куликовского цикла. Из девяти сохранившихся лицевых списков произведения, датируемых XVI-XIX вв., автор изучает восемь, восходящих к общему архетипу (т.н. Основная редакция).

Во Введении к своей работе диссертант четко определяет исходные позиции исследования эволюции события 1380 г.: 1) Куликовская битва «оказала влияние на последующую политическую и, прежде всего, на социально-психологическую историю России»; 2) сражение быстро сделалось легендой, чтобы надолго отразиться в художественных произведениях, растиражированных допечатной эпохой; 3) образность текста и многоцветные иллюстрации Сказания в наши дни сделали лицевые списки центральными экспонатами выставок и постоянных экспозиций о Донском сражении.

Как музейный работник, Ф.Н. Веселов ставит перед собой такую важную исследовательскую задачу – комплексно изучить лицевые списки Сказания с целью атрибуции артефактов из музеев и библиотек, а также выяснения степени достоверности иллюстраций литературного произведения: установить были ли миниатюры визуализированной фиксацией непосредственных свидетельств события или поздними переосмыслениями его воображаемых эпизодов.

При этом отмечается общая тенденция «несомненного падения старой миниатюры», впервые отмеченная еще С.К. Шамбинаго. В то же время подчеркивается перспективность изучения лицевого списка Сказания из Британского музея (список Л), по всей видимости, восходящего к высокохудожественному оригиналу XVI или даже XV вв. Автор дает высокую оценку усилиям Л.А. Дмитриева, еще в 1966 г. опубликовавшем

классификацию лицевых рукописей о Мамаевом побоище. Несмотря на то, что эта работа вызвала серьезный интерес в научной среде (Д.С. Лихачев, О.И. Подобедова), такого рода анализ вплоть до последнего времени продолжения не получил.

В этой связи диссертант определил свою задачу – последовательно и разносторонне изучить лицевые списки в смысле нового прочтения и сопоставления с иллюстрируемым текстом, иконографического и источниковедческого анализом. Основная цель работы виделась в том, чтобы реконструировать вид архетипа памятника и попытаться установить время появления лицевого варианта Сказания. Исходя из описанных посылов, материал основной части работы изложен в трех главах.

Глава 1 посвящена общей характеристике миниатюр лицевых списков Сказания. Автор подробно рассматривает все иллюстрированные эпизоды в известных теперь списках текста памятника. В результате составлен единый перечень всех миниатюр, выстроенный строго в соответствии с последовательностью событий, имевших место в описании Куликовской битвы. В него, помимо т.н. «Выходной» миниатюры, вошло 100 рисунков к повествованию (с. 21-27). На скрупулезную работу указывает тот факт, что диссертант не только связал все изображения с конкретными лицевыми списками, но определил не проиллюстрированные эпизоды. Например, в опубликованном недавно при прямом участии Ф.Н. Веселова Лондонском списке отмечено 18 таких пассажей (с. 33).

Далее, в соответствии с принятым методическим подходом, проведено изучение взаимозависимости сохранившихся списков Основной редакции – вопроса, который более столетия тому назад интересовал С.К. Шампинаго, а в 60-70-е гг. XX в. пытался решить Л.А. Дмитриев. Как и можно было ожидать, схема предложенная последним (Прил. 2. Илл. 1) потребовала корректировки. Нельзя не отметить, что существенные изменения связаны с рядом особенностей списка из собрания А.С. Уварова (№ 999а). Они стали основанием для выделения отдельной группы вариантов памятника, которую исследователь условно назвал «Старопечатной» (с. 48-49).

В завершающей части главы автор проводит реконструкцию цикла миниатюр лицевого архетипа, в который он включил 98 изображений (с. 59-60). В списке из Лондона оказалось 15 рисунков, не нашедших аналогии в других лицевых рукописях (с. 58). Вместе с тем, было определено 23 «универсальных» эпизода, проиллюстрированных во всех известных исследователям списках. Они, судя по всему, находились и в архетипе лицевого списка Сказания (с. 62).

В Главе 2 диссертант подробно анализирует изображения 23 эпизодов, присутствующих во всех списках Сказания. Автор работы решил выяснить, пользовался

ли художник стандартизированными схемами, или же внимательно следовал за текстом в поисках собственных иконографических решений. В соответствии с тематикой все запечатленные сцены были выделены в четыре группы.

Иллюстрации молитвенных сцен охватывают миниатюры, изображающие в основном моление Дмитрия Донского нередко с соратниками в различных местах и ситуациях, так или иначе связанных с битвой. В центре таких композиции предстают молящийся или молящиеся и божество, изображенное в виде иконы, Иисуса Христа, Богоматери, святых, а также определенных символов божественной благодати.

Батальные сцены, включающие картины сражений, передвижения вооруженных отрядов, осады городов и отдельные моменты боевых столкновений имеют прямое отношение к тематике диссертации (с. 63-64). Среди миниатюр Куликовского цикла выделены русские воинские смотры, переправы через реки, рать во главе с полководцем, обычно великим князем, затаившийся в донской дубраве полк Владимира Серпуховского, как и памятный поединок монаха Александра Пересвета со «злым печенегом».

Этикетные сцены среди миниатюр Сказания объединяют главные персонажи, которые общаются друг с другом (с. 63). К этой группе Ф.Н. Веселов отнес изображения прибытия Белозерских князей в Москву, посещения Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского, беседы братьев-князей с митрополитом Киприаном, встречи княжеского войска епископом Коломенским.

Связанные с битвой на Куликовом поле миниатюры видений и знамений представляют события, наполненные символическим смыслом. Это воюющие волки и зловещие птицы на месте близящегося кровопролитного сражения, ночное испытание примет бывалым воеводой Дмитрием Боброк-Волынцем, видение мученических венцов над головами русских воинов (с. 64).

Изучив цикл миниатюр, Ф.Н. Веселов констатирует, что иллюстратор Сказания использовал традиционные иконографические приемы. Они заметны в передаче жестов и поз, предметов быта и церемониала, оружия и одеяний, войск, пейзажа и действующих лиц. Вместе с тем композиционные схемы большинства миниатюр не находят аналогий в иконографии древнерусских изобразительных образцов и такого рода памятников из стран византийской ойкумены.

Исследователь утверждает, что художники создавали собственные сюжетно оригинальные произведения, дословно передававшие текст памятника. По его мысли, чем точнее иллюстрация отражала повествование, тем ближе она к первоначальному (авторскому) произведению – лицевому архетипу.

Совпадение деталей иллюстраций в 76% случаев приводит соискателя к важному выводу: у всех известных лицевых списков Сказания был единый архетип, особенности которого лучше всего сохранились в миниатюрах списков Л и У999а (с. 109-110).

Рассматривая вопрос о времени возникновения архетипа лицевого Сказания (глава 3), исследователь темы исходит из того, что старшими из иллюстрированных рукописей являются списки Л и У999а, скопированные с несохранившихся произведений приблизительно в середине XVII в.

По осторожному предположению диссертанта список У999а, принадлежавший в XVIII в. жителям Белозерска, мог быть составлен там же. Однако для работы по определению времени появления и авторства текста избран список Л, как сохранивший в своих миниатюрах большее всего архаических черт (с. 111-112).

Соискатель обратил внимание на анахронизмы, высокую символичность Сказания в передаче деталей и сюжетные заимствования из произведений XV в. На основе данных источниковедческой компаративистики делается вполне обоснованный вывод о появлении архетипа не ранее конца XV в., но не позднее первой четверти XVI в.

Диссертант замечает, что ранее авторство Сказания уже было предложено. Б.М. Клосс, чьи исследования признаются далеко не бесспорными, полагает, что создателем архетипа является известный русский книжник XVI в. - епископ коломенский Митрофана, рукоположенный в начале 1507 г. (с. 149).

Иллюстраторы Сказания могли создать свой цикл миниатюр в Павло-Обнорском монастыре, где работали художники артели Дионисия, а в конце жизни пребывал возможный автор Сказания, епископ Митрофан. Однако автор признает, что материальные доказательства этому отсутствуют – не известно ни одного списка (даже не лицевого), который происходил бы из этой обители.

Вместе с тем диссертант указывает на необходимость видеть в Сказании произведение светское, которое принадлежит жанру воинских повестей и проповедует мирскую святость. Показательно, что известные скриптории по традиции находились при архиепископских кафедрах и великокняжеском дворе, а выдающимся книжником покровителем искусства и политиков того времени был московский митрополит Макарий.

Он был тесно связан с Пафнутьево-Боровским монастырем, в котором сформировался как духовно-политический последователь Иосифа Волоцкого. В 1523 г. Макария стал архимандритом Можайского Лужецкого монастыря и сблизился с Василием III. Затем он был назначен на архиепископскую кафедру Новгорода, где показал себя преданным служителем идеям иосифлян с характерным для них отношением к искусству.

Ф.Н. Веселов полагает, что именно тогда владыка и познакомился с недавно созданным литературным памятником – Сказанием о Мамаевом побоище. Это произошло ранее 1539 г. Локализирующая деталь Лондонского списка – крепостные зубцами в виде ласточкиного хвоста – указывает на связь с Новгородом. Особенности стиля миниатюр памятника, по мнению соискателя, свидетельствуют о перевозе митрополитом Макарием новгородских мастеров в Москву, сохранявших особенности письма своей школы в творениях, созданных на новом месте.

Самостоятельную ценность представляют высоко профессионально исполненные приложения к диссертации с описанием лицевых списков Сказания и иллюстрациями.

Несомненным достоинством работы являются подробные и современные описания всех списков, содержащие выводы по их датировке и провенансу. Судя по всему, кропотливое сравнение всех миниатюр как метод применен впервые в изучении иллюстрированных произведений Древней Руси.

Представляется, соискатель предложил удачное решение задачи изучения иконографии батальных сцен, в особенности с точки зрения композиционных построений и изображенных на картинах деталей. Здесь в полной мере проявилась наблюдательность автора при изучении предмета. Многие «мелочи» на миниатюрах просто были не замечены предшественниками.

Успешный комплексный анализ обеспечил самостоятельность данного исследования. Изучение иллюстраций всех списков Сказания позволило автору вывести на новый уровень понимание закономерностей изменения композиции и иконографии в циклах миниатюр памятника, а также представить, как мог выглядеть лицевой протограф произведения и когда он мог быть создан.

Тем самым диссертант в основном решил главную задачу своего актуального в наше время исследования – провести сравнительный анализ миниатюр всех известных лицевых памятников Куликовского цикла, занимающих выдающееся место в числе письменных памятников истории и культуры средневековой России.

В числе пробелов и шероховатостей работы могу отметить следующие. Видится неуместным подробное описание содержания диссертации во введении. Бросается в глаза недостаточная аргументация некоторых положений. Например, локализация создания художественного произведения в Москве по одним архитектурным деталям – зубцам в форме ласточкиного хвоста. Между тем такие же «хвосты» отмечают и в Смоленске. Выглядит чрезмерным увлечение поиском материальных источников для изображений, в стиле А.В. Арциховского. Впрочем, этот прием дал положительные результаты при работе

с византийским клинковым оружием (В. Йотов). Создается впечатление, что при анализе миниатюр диссертант не обратил должного внимания на продуктивность трактовки исторического отрезка второй половины XIV – до 90-х годов XV в. как стадии миропонимания в развитии русской средневековой мысли (А.Н. Ужанков), а также возможности широкого подхода к самому понятию «Куликово поле» (С.Н. Азбелев). В работе имеются пропущенные при подготовке текста к печати языковые небрежности, а основном стилистического характера. Однако эти недочеты не являются принципиальными для вынесения общей оценки диссертационного исследования.

Диссертация Веселова Федора Никитовича «Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище XVII-XIX вв. в музейных и библиотечных собраниях» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Веселов Федор Никитович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 24.00.03. – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов». Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор Тараклийского государственного университета
им. Григория Цамблака, Республика Молдова

Руссев Николай Дмитриевич

12 сентября 2018 г.

Подпись Н.Д. Руссева
заверяю
начальник отдела
кадров Барган Н.С.

